

ИЛЬВА

АПУТИКЯН

РАЗДУМЬЯ
НА
ПУТИ

†
9
✓
N
T
X
□
A
✓

©
N
•
b
B
A

МОСКВА • 1962

СИМВА КАПУТИКЯН

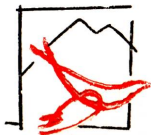
РАЗДУМЬЯ НА ПОЛПУТИ

ПИСАТЕЛЬ

СОВЕТСКИЙ

СТИХИ

Авторизованный
перевод
с армянского

Первая книга известной армянской поэтессы Сильвы Капутикян вышла в 1945 году. С тех пор сборники С. Капутикян на армянском и русском языках выходят почти ежегодно. Дарованию поэтессы свойственны глубина зрелой мысли и сила лирического переживания. Эти качества неизменно находили дорогу к сердцу читателей. Присущи они и настоящей книге, объединяющей произведения, созданные автором в недавние годы.

«Раздумья на полпути» — это страстная исповедь беспокойной, влюбленной души, это стихи о нашей современности, о трагическом прошлом Армении, о личных горестях и радостях, неразрывно сплетающихся с жизнью родной страны.

ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ

Безоблачен был ранний мой рассвет:
Цветы, рукоплесканья в людном зале.
Едва сравнялось мне пятнадцать лет,
А уж меня поэтом величали.
Моя дорога ровною была,
До странности был гладок путь широкий.
И шумно заглушала похвала
Не частые, не громкие упреки...
Но для меня тот возраст миновал,
Когда бездумно впитывают славу.
Я прихожу в смятение от похвал, —
Да разве я их слушаю по праву?
Достойна ль веры, искренней такой,
Что в девичьих глазах блестит невинно
И светится за каждою строкой
В письме армянском, присланном с чужбины?
Что создала я за немалый срок?
Достойна ль я признательности этой?
Достаточно ль для совести поэта
Немногочисленных сердечных строк,
Прямолинейной жизни без лишений,
Не трудной и не жертвенной ничуть?..
Взыскательней, суровой, совершенней

В минувшем был поэтов наших путь, —
Когда, как свечи в темноте часовни,
Они сгорали в мраке скорбных лет
(И тем благоговейней, тем любовней
Народ хранил их путеводный свет),
Когда они без хлеба и без крова,
С великой жаждой пламенных сердец,
В чужом краю кончали путь суровый,
Встречали в тюрьмах горький свой конец.
Среди зыбей, вздымавшихся стеной,
Гребли и плыли, отдыха не зная...
А я! Ведь подо мной — земля родная
И солнцем — наше знамя надо мной,
Со мной — отчизна вольная, и нету
Препятствий на пути, и цель ясна,
И внемлет мне, армянскому поэту,
Многонациональная страна, —
О, как ничтожно, как постыдно мало
Тебе я помогала, мой народ,
Как часто к сердцу я не принимала
Твоих печалей и твоих невзгод...

Ни счастья, ни любви не жажду я.
К народу обращаюсь, дочь народа:
Нет радости мне ближе, чем твоя,
Нет скорби горше, чем твоя невзгода.
И сколько дней прожить мне ни дано,
И сколько ни дано сложить мне песен, —
Отныне все тебе посвящено,
Мой стих, мой дар, — с тобой отныне весь он,
Посвящено все лучшее во мне
Твоим метаньям от стены к стене,

Твоим путям, где каждый поворот
От века был заклятьем заколдован,
И твоему спасенью, мой народ,
И возрожденью в мире нашем новом.

Подобно лучшим из твоих детей,
Твоим незабываемым поэтам,
Я отдаю себя судьбе твоей,
Наполненной и сумраком и светом.

Хоть с лучшими и не равняться мне,
Суди меня лишь с ними наравне!..

ОНИ
УТВЕРЖДАЮТ:
"БЫТЬ"

ЛЕНИН

На победившем знамени Китая,
Взметнувшемся на рисовых полях,
Ты чуточку китаец...
Ты — феллах,
Когда тебя араб легко и тонко пишет.
На звездочке эмалевой лазури,
В значке, который приколот на грудь
Гвинец, —
Негром кажешься чуть-чуть.
Чуть-чуть индеец ты в изысканной скульптуре.
Где мудрость Индии глубоко дышит.

Простое человеческое имя,
Из волжских вод берущее начало,
Отныне в каждой плещущей реке,
В истории всех стран,
На каждом языке
Свободно, полнозвучно зазвучало.
Весна,
Которой нет ни края, ни конца,
Все земли, все народы, все сердца
Твои посевы приняли с любовью.
Ты обновляешь кровь,

Сливаясь с каждой кровью!
Поэтому на знамени Китая,
Взметнувшись на рисовых полях,
Ты чуточку китаец;
Ты — феллах,
Когда тебя араб легко и тонко пишет;
На звездочке эмалевой лазури,
В значке, который приколол на грудь
Гвинеец, —
Негром кажешься чуть-чуть;
Чуть-чуть индиец ты в изысканной скульптуре,
Где мудрость Индии глубоко дышит.

НА ПЛОЩАДИ ЛЕНИНА В ЕРЕВАНЕ

1. ТВОЙ ПАМЯТНИК

Нет, монумента мы не воздвигали,
Холма не выбирали повидней,
Чтоб ты царил на пышном пьедестале,
Далек от шума, от людей,
Превыше всех, как идол некий,
В своем всевластии уверенный навеки...

Нет, ты иначе в город наш вошел!

Был Ереван бескровен, гол...
Улыбчивый, веселый, деловитый,
Держа строительные чертежи,
Остановился ты, но не в тиши —
На звонкой площади, ветрам открытой!

Ты вместе с нами строил город наш,
Как мы, седел от известковой пыли,
И окна новых зданий взор слепили,
И песни, словно птицы, мимо плыли,
И в небо шел за этажом этаж.
Ты слышал стен старинных стоны —
В прах обращались дряхлые дома, —

И день рабочий блек.
И подступала тьма.
И очи закрывал наш город утомленный.
И на бульваре пел флейтист слепой,
Бежавший из пылающего Вана¹, —
Глаза мерцали сталью ятагана,
Текла мелодия кровавою рекой...
Все слышал ты. И видел все ты,
Знал упованья наши и заботы.
Ты с нами был,
Ты жил средь нас,
Ни на мгновенье нас не покидая.
И мы росли.
И жизнь неслась —
Безудержная, молодая.

Нет, монумента мы не строили тебе.
Ты не царишь над городом, надменен, —
Ты среди нас — в делах, в сердцах, в судьбе.
О, ты — не памятник,
Ты — наш товарищ Ленин...

¹ Город в Турецкой Армении.

2. ГОЛУБИ АРМЕНИИ

Трепетные голуби Армении!
Вас тиранил беспрестанный страх.
Люди вас пугали и строения.
Жили вы в немых монастырях.
Колокола легкое движение,
Камень, детской кинутый рукой,
Нарушали зыбкий ваш покой,
Голуби тревожные Армении!..

Ныне на асфальт слетели вы,
Затопили площади весенние.
Шум вокруг —
Кипение листвы,
Гул толпы, машинное гудение, —
Но, тугими крыльями шурша,
Вы плывете к нам без опасения
И зерно с ладони малыша
Вы клюете, голуби Армении!..

3. И ВЕРИМ МЫ

Храмы на скалах мы воздвигали —
Ближе к богу и небесам.
Но даже камень враги сжигали
И сокрушали за храмом храм.

Мы строили крепости на горах —
Свирепые реки внизу гремели!
Но враг настиг нас во мгле ущелий,
Но крепости наши разрушил враг
И размолот их — в прах.

Мы строили башни выше, грозней
И сражались — упрямей, бесстрашней.
И чтобы прочнее стояли башни —
Мы камни скрепляли кровью своей.
Все, что имели, мы клали в фундамент —
Верность, веру, заветов свет, —
Но рушился испепеленный камень
И тьма покрывала след...

Но вот — мы начали строить снова!
На сердцевидный клочок земли

Мы руины Ани¹ принесли —
Камень, от крови отцов багровый.
Мы строили жарко, истово, яро!
Мы гордые арки из Ахтамара²
Для потомков наших спасли.
Звартноца³ сияющие капители
Вырвали мы из объятий тьмы.
Цемент на мечте замесили мы,
На звезды грядущего мы смотрели!
И верим, надежно верим ныне,
Что под взглядом зорким твоим
Бессмертна пребудет наша твердыня,
Что новый дом наш — несокрушим!..

¹ Древняя столица Армении, ныне на территории Турции.

² Остров на Ванском озере, где находится памятник древне-армянского зодчества — Ахтамарский храм.

³ Храм VII века.

ПЕСНЯ О НАШИХ КАМНЯХ

О камни,
Вы сама история!
Мы жили в бедах, в нищете
И зданья траурные строили,
Как памятники темноте.
Творцы с глазами обреченными
Стирали кровь и пот со лба,
И камни в стенах были черными,
Как наша черная судьба.
Черны монастыри задумчивые
И храмы древние черны,
И проступают в них измученные
Моей Армении черты.
О камни траурные, черные
Полов,
И потолков,
И стен,
Захватанные,
Закопченные,
Со вмятинами от колен!

А где-то, праздничные, разные,
Забившись тихо в уголки,

В земле таились камни радости,
Как бы под пеплом угольки.
О камни, спавшие веками
И время знавшие суровое,
О камни, розовые камни,
Сиреневые и лиловые!
Но вы из мглы подземной выбились —
Вам не пристало быть во мгле!
Наверх,
На землю,
К людям вырвались —
И стало радостней земле!
И новых стен цвета весенние —
Под цвет весенних наших дней,
И вся судьба моей Армении
Как бы судьба ее камней!
Своими добрыми руками
Их пробудило время новое.
О камни, розовые камни,
Сиреневые и лиловые!

Не подарила жизнь мне стройности
Своих армянских дочерей,
Их черт печальности и строгости,
Очей, которых нет черней.
Но, чтобы мучилась и пела я,
А не ждала одних цветов,
Она дала мне очи пепельные —
Останки пламени веков.
Когда судьба порою встряхивает
И кувырком летят все дни,
То в сером пепле
Гордо вздрагивают
Веков забытые огни...

НАШ ПАНТЕОН

Наш пантеон не пышен, не просторен:
Всего лишь несколько простых могил.
О мой народ, богатый смертью, горем,
Где ж ты других великих схоронил?

Веками в горьких думах об отчизне
Они трудились от нее вдали,
Родного крова не нашли при жизни,
По смерти не нашли родной земли.

Теперь на старых кладбищах чужбины
Покоятся они меж трав и мхов,
Одни — под небом дальней Аргентины,
Другие — возле Сены берегов.

А сколько их под острым ятаганом
В немой пустыне обрело конец!
Могилы их — сухой песок с бурьяном
Да боль живущих, раны их сердец.

Наш пантеон... В безмолвии, в забвенье
Разбросан он по всем краям чужим.
Лишь слезы, слезы и благословенье
Наш дар могилам дальним дорогим!..

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Памяти Аветика Исаакяна

Должна на вечере воспоминаний
Я о тебе рассказывать, варпет...
О, как мне быть, где отыскать заране
Слова, сильней, точней которых нет!
И что они, воспоминанья!.. Снова
Слова, слова... От сердца — но слова.
Как стать мне всемогущим богом слова,
Чтоб ты воскрес, заговорю едва?!
Как мне найти единственное слово —
Так рассказать, чтоб сразу, в тот же миг,
Неторопливый, сгорбленный, суровый,
Вошел ты в этот зал — и зал затих...
Но вот уже рукоплесканья зала
Гремят, летят к тебе со всех сторон!
А ты — ты опускаешься усталый
На стул свой — величаво, как на трон.
И взгляд твой, как Гехарт¹, собрал под сводом
Всех воедино — мудрый и живой.

¹ Древний храм в Армении, высеченный в скале.

Как рассказать, как воскресить те годы,
Когда звучал пред нами голос твой!
Как рассказать мне о молчанье гордом,
Чтоб и молчанье слышали они?..
Наверно, так молчит наш древний город,
В развалинах не сдавшийся Ани...
Так рассказать, чтоб снова юным блеском
Горел твой взор — поэта, мудреца,
Чтоб радовался ты улыбкам детским,
Бродя по Еревану без конца,
Чтоб вновь дышал ты, светел, человечен,
Открывший в людях лучшие черты,
Чтоб был опорой армянской речи,
Чтоб звал домой сынов армянских ты,
Чтоб вновь учил ты, правды воплощенье,
Жить, все на свете племена любя,
Чтоб через нас вошли с тобой в общенье
Те, что вовек не видели тебя,
Чтоб жил среди них ты, добрый и суровый,
Каким тебя когда-то знала я,
Чтоб берегла тебя, всегда живого,
В своей душе Армения твоя!..

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

Был соседом моим в самолете старик.
Темноглазые внуки с ним рядом сидели.
Лишь узнал он, что я из Армении, — вмиг
Засветилось лицо его доброе, сразу глаза подобрили.
И пока из Москвы к Еревану летели — полдня, —
Говорил он со мной без умолку,
И слушал, и слушал меня,
Улыбался, и охал, и диву давался —
Как годами не пивший воды человек,
Он прохладою речи родной упивался...

Ювелир из Турецкой Армении стал
Парижанином волей судьбы. Но, хоть стар,
Помнит четко дороги он, кровью армян залитые...
Старый мастер по золоту — что ж, он живет ничего,
Где б он ни был — не ржавеют руки его,
Неподвластные ржавчине руки его золотые.
Только что в этом толку? Взглянул он на мальчишек вдруг
И закашлялся, словно от дыма:
Отдаляются дети, отбились от рук,
Постепенно язык забывают родимый...
Жив сегодня старик. Если ж завтра умрет,
Вряд ли кто-то из внуков о родине вспомнит!
А ведь есть и земля, и язык, и народ,

Что священным волненьем их души наполнят...
Потому-то, последние силы собрав,
Он привез их сюда — пусть изведает сами
Вкус воды, крепость камня и запахи трав,
Речь родную услышат под ласковыми небесами...

Тут попал самолет наш в объятья Армении,
И лиловые тучи коснулись Севана,
А потом чуткий ветер в мгновение
Сдернул облачный занавес рваный:
Вот он — сам Ереван!..

И старик разговоры со мной прекратил,
Растерялся,
То притягивал внуков к себе, то отталкивал вдруг,
То к окну припадал, разглядеть свои горы старался,
Погруженный в себя, ничего он не видел вокруг...
От окошка к окошку, от носа к хвосту самолета
Быстро бегали дети вперед и назад,
По-французски болтали они и без счета
Повторяли, грассируя:
«О, Ехеван! Ахахат!»

О французский язык!
Ты — пыланье Гюго,
Тихий дождик Верлена!
Я сидела 6 часами
И слушала 6 голос твой
Проникновенный...
О французский язык!
Ты певуч, ты не груб —

Отчего же слова этих нежных ребяческих губ
Больно ранят меня?..
Этот их «Ахахат» — будто крик Арарата из плена,
В этот раз
Он в плену у тебя,
О французский язык,
Тихий дождик Верлена!

Был внизу Ереван,
Весь в багрянце от солнца и камня,
Будто призрачный город,
Приснившийся в дальнем краю..
Самолет наш спускался то плавно,
То в спешке — рывками,
Он раскинул гигантские руки, как будто руками
Он обнять приготовился милую землю свою...

А старик,
Обнимая внучат,
Просто слился с окном,
В его взгляде —
Молитва скитальца о доме родном.
Шепот, зов, и мольба, и надежда, и крик —
Крик протеста и просьбы:
Родная земля!
Ты наполнила силой Аршака¹ язык!
Расстелись под ногами детей, не пыля, не паля, —

¹ Аршак II — армянский царь, живший в IV веке. По преданию, персидский шах, чтобы испытать попавшего к нему в плен Аршака, велит привезти из Армении землю и рассыпать под его ногами. Прикоснувшись к родной земле, Аршак становится непреклонным и смело заявляет о своей любви к родине.

Тех, что волей судьбы родились от тебя вдалеке!
Как в легенде отцов, пусть к тебе прикоснутся
Их немые уста — и проснутся,
И начнут говорить на родном языке,
О родная земля!..

ГОЛОС ЕРЕВАНА

Из дневных голосов, из огней предвечерних сплетенный,
Ты вместил в себе краски и запахи, грохот и тишь.
Как звезда, гаснет день Еревана, но в воздухе темном,
Как звезды этой свет, ты над сонной землею летишь.

Только голос ты? Нет! Ты — дыхание, ты колокол храма,
Из-под сводов вершин посылающий звон в тишину.
Кто в тоске по Армении, тот среди грома и гама
Сердцем, полным волненья, твою принимает волну.

Поспеши: там кормильцы с работы уже возвратились,
И хоть очень устали в неравном сраженьи с судьбой,
Дети, деды, отцы — у приемника все разместились,
Собрались, чтобы встретиться вечером поздним с тобой.

Хлынь в дома их далекие волнами песен и танцев
И о милой земле принеси им слова на порог,
Знай: для губ опаленных скитальца, что стал чужестранцем,
Ты — Масиса снега, ты — воды ереванской глоток.

Пусть усталый старик в твоих песнях увидит селенье,
Где он ранней зарей просыпался под крик петуха, —
Снова овцы на склонах полднейной охвачены ленью,
Вновь косятся соседские девушки на пастуха...

Если дети уснули под уличный гомон и топот,
Их укрой и над ними, как небо отчизны, склонись,
Чтоб средь фиников вдруг зашуршал наш задумчивый тополь,
Чтоб у мутного Нила вдруг песни Зангу полились.

В многолюдье блуждают твои одинокие дети,
Увядает на юных устах наша древняя речь...
Будь водой животворной для слов засыхающих этих,
Стань родимой почвой для них — помоги их сберечь!..

Сердцем будь! Кровь горячую влей в ослабевшие жилы,
Стань мостом над морями и аркою взмой сквозь туман,
Земляков моих ты собери на волне своей, где бы ни жил:1,
Голос света, звучащий в ночи: «Говорит Ереван...»

ЗАРУБЕЖНЫМ ДРУЗЬЯМ-АРМЯНАМ

Я не боюсь врагов моей страны
С их изощренно хитрой клеветой.
Мне их нападки злые не страшны,
Я становлюсь от них сильнее втрое.
Отвечу им:

— Я в полный рост стою
И, как свое дитя, пред целым миром
Держу ее, Армении мою...
Вы помните ее ребенком сирым,
И вот, глядите, выросла, цветя!
Глаза блестят, в лице румянец юный.
Пред вами — богатырское дитя,
Достойный отпрыск славного Сасуна...
Да, я врагов заставлю замолчать.
Я предъявлю им документ правдивый,
Его скрепляет ясная печать —
Наш Ереван, разросшийся на диво,
И миллионом подписей стоят
Все новостройки в стройном их величье...
Не страшен мне врагов змеиный яд,
Их злопыхательство, их злоязычье...

Но вы, что к милой родине своей
Стремитесь сквозь года и расстоянья

И разом превращаетесь в детей
От сокровенной радости свиданья,
Вы, что пришли по тысячам дорог
Как странники, как пилигримы босы,
На каждый наш раскрывшийся цветок
Струятся ваших слез счастливых росы, —
За вас тревожусь я!.. Смотрю на вас
С сознанием ответственности строгой:
Хочу, чтобы сиянье ваших глаз
Ничто не омрачило хоть немного,
Хочу, чтоб вы среди душистых трав
Не повстречали цепкого бурьяна,
Чтоб не смутились сердцем, увидав
Хотя бы след случайного изъяна,
Чтоб край родной взглянул на вас светло
И за любовь воздал вам полной мерой.
Чтоб трещинки случайной не прошло
По мрамору заветной вашей веры!..

ДЫХАНИЕМ ОДЫ

*Директору совхоза
Ноемберянского района
старому большевику
Баграту Вартаняну*

Давно я не пишу величественных од,
Правдивой простоты ждет от стихов народ,
Пусть подтверждает жизнь описанное словом.
...С лицом рабочего, обветренным, суровым,
В потертом пиджаке, сам крепкий, как скала,
Стоишь ты: предо мной!

А про твои дела
Словоохотливо, забыв бывшее горе,
Шумит река Девбет, взойдя на плоскогорье
По воле рук твоих. Вот кипарисов ряд
(Как выросли юнцы, как зелен их наряд!)
Стоит перед тобой в почетном карауле,
А розы, доченьки твои, смутясь, нагнули
Головки алые и сдерживают смех:
Известно им, что ты их любишь больше всех.
Олива — званный гость — тот летописец старый,
Что будет жить века под облаков отарой,
Итоги подводя, напишет на стволе,

Что здесь, в ущелье змей, на выжженной земле,
Жил некий армянин, что был он коммунистом
И сделал этот край зеленым и тенистым.

Давно я не пишу величественных од
Ты — в скромном пиджаке, простой, как наш народ.
С лицом рабочего — вдохнул дыхание оды
В мои стихи — и вот я вижу дни и годы.
Ты кровью добывал мир для земли моей,
Ты потом поливал любой росток на ней,
Ты саженцы сажал рукой, державшей знамя;
Колышется оно теперь листвою, ветвями.
Ты в малые дела большую мысль вложил,
И в повседневности не угасал твой пыл,
Не превратился он в огонь домашней печки, —
С землею слился он, с движеньем бурной речки,
Он землю окрылил, стал ароматом роз,
И персиками стал, и полнотою лоз...
Не меряют годов одной и той же меркой, —
Сегодня вновь себе кажусь я пионеркой:
С такой же верою я слушала рассказ,
Что старый большевик вел у костра для нас.

Благодарю тебя за этот светлый час!

РУССКОМУ ДРУГУ

Поэтессе Марии Петровы

Высокая дружба подмены не хочет,
Не нужно ей фальши и лести ничьей.
Бывает, что чистые чувства порочат
Потоком неискренних, праздных речей.

Словами, подобными липкому тесту,
Спешат доказать, что, мол, слаб ты и мал,
И к месту подчеркивают и не к месту,
Что жизнь и дыхание кто-то нам дал...

Мне попросту хочется снова сегодня
С тобою, сестра моя, поговорить.
Как быть, чтоб слова зазвучали свободней,
Чтоб с праздными их не посмели сравнить?!

В Звартноце мы встретились. Что-то большое
Светилось во влажных глазах, в глубине.
Ты — тоненькая — мне казалась свечою,
Сгорающею на своем же огне.

И мы подружились. И стала ты другом
Заветной, как памятка, древней страны,

Коснулась ты с благоговейным испугом
Души ее, словно письмен старины.
И ты увидала: как в глуби колодца
Бездонное горе — наш давний удел,
И то, как, поднявшись из праха Звартноца,
Орел на колонны из туфа взлетел.

Как я, ты гордишься красой наших песен,
Без скидки осудишь любой наш порок.
Нет, не покровителем — другом, без спеси
Ты переступила наш новый порог!

Сестрой ты бываешь мне в грусти и горе,
Защитником-братом в опасности час.
Когда ошибаюсь, взволнованно споря, —
Меня поправляешь любя, горячась.

Когда обижаюсь на мир, на тебя я,
Прощаешь ты мне охлажденье мое,
Смеешься, когда, чувство меры теряя,
Без удержу славлю я только свое.

И пусть друг от друга живем далеко мы, —
Я знаю, что в снежной Москве для меня
Открыты всегда двери теплого дома,
Что есть у тревожного сердца родня.

Мне кажется, предки, в тоске о свободе,
Искали такого тепла и добра:
Когда говорили о русском народе —
Они о тебе говорили, сестра!

«СГОРАЮ Я, СГОРАЮ...»

Я видела его в момент экстаза:
Казалось, его тело жгут припарки —
Под скрежетанье и стenanье джаза
Он бился, извиваясь, как в припадке...
Но вот и захлебнулся патефон...
Не без опаски я беру пластинку,
Еще горячую от поединка
С иглой, чтоб осмотреть со всех сторон.
И вижу: на нее кустарь холодный
Приклеил пленку с танцем ультрамодным.
И вдруг — под пленкой — буквы разбираю:
«Сгораю я, сгораю...»¹

Как будто искры вдруг посыпались из глаз...
Душа от гнева и от боли сжалась.
Мне показалось: здесь мой Комитас,
Вот в этой самой комнате, сейчас
Вторично гибнет — так мне показалось...

¹ Старинная армянская песня, обработанная композитором Комитасом (погиб в 1915 году).

Он погибал.
И ты его не спас,
Юнец с горячим блеском черных глаз,
Красивый, точно сам Ара Прекрасный!..
А ты подумал — сколько надо было
Твоим далеким прадедам непраздной
Любви, душевной стойкости и силы,
Сквозь смуту всех веков ключами бьющей,
Чтоб песня, с уст седых певцов слетев,
Пришла к нам, устояв и уцелев,
И стала бы пластинкою поющей?!

И вот, мальчишка, сбившийся с тропы,
Ты с легкостью — «ценитель» звуков тонкий! —
Ту песню душишь липким слоем пленки,
Копытами взбесившейся трубы...

Постой, остановись!
Не дай втянуть
Себя в водоворот бездумный,
Чтобы, подобно веточке бездомной,
Теряя путь,
Забыв свой ствол, без сока, без корней
Носился ты среди чужих камней
И, наконец, без трав родных, без скал,
Без роду и без племени — пропал...

Не допусти!
А ты! Ты топчешь сам!
Чтоб то, чего не удалось врагам
Достичь в веках мечом и ятаганом,
Вдруг удалось бы вкрадчивым словам,
Улыбкам,
Ритмов жалкому дурману!..

Сорви огонь с нее, скорей сорви,
Взгляни, в клею пластинка иль в крови?..
Прислушайся: под пленкою чужой
К нам песня рвется раненой душой,
Она зовет, к нам руки простирая:
«Сгораю я, сгораю!..»

ВХОДИТЕ К НАМ

Люблю сумятицу суббот,
Когда, приехав из селенья,
Племянники — лихой народ —
Ворвутся без предупрежденья.

Работа, отдых —
Все вверх дном!
Взывает мама: — Ноги, ноги!.. —
Куда там!
На подошвах в дом
Несут едва ль не полдороги!

Хохочут — гам стоит вокруг! —
И пахнут ветром и деревней,
И лезут в бабушкин сундук,
И мучат мой приемник древний...

Но с этой осени у нас
Ведут себя мальчишки чинно;
Едва придя ко мне — тотчас
Спешат ребята к пианино.

И мир настороженно тих,
И мальчишки играют вволю

Все то,
Чему учили их
В новорожденной сельской школе.
И вечер светел и широк,
И я откладываю книжку,
И резвый, маленький «сурок»
Бежит по комнатам вприпрыжку.

Бетховен!
Ты издалека
Приходишь нынче в город, в дом мой
Из той деревни, что века
Лишь с песней гор была знакома.

Лишь грусть ашуга пела там,
Был в камень горизонт закован.

Великие, входите к нам!
Добро пожаловать, Бетховен!

КАРАБАХСКОЕ НАРЕЧИЕ

Язык этот, словно скала, неотесан
И древен и груб, как будто скала.
И тверд и упорен, как будто утес он, —
Его бы и буря разбить не смогла.
В народ навсегда неколеблемо врос он,
Как горная цепь в эту землю вросла.

АРМЯНСКИЙ ТОПОЛЬ

Чем отдаленнее растет он
в горах, на крутизне,
Без материнского присмотра,
в пустынной стороне,
Тем шире расстилает корни
в кремнистой глубине,
Тем гуще, тем богаче соком
армянский тополь.

Чем он плотнее загорожен
суровою горой,
Чем злее хлещет град и ветер
его бока порой,
Тем он упрямей спорит с бурей,
покрыт броней-корой,
Тем выше под дождей потоком
армянский тополь.

Стремится голову поднять он,
чтоб через горный вал
Мог Ереван его увидеть
среди замшелых скал.

Чтоб крикнуть: «Буду крепче камня
стоять я, как стоял,
Верь, выше гор в краю высоком
армянский тополь».

БЫТЬ ИЛЬ НЕ БЫТЬ

Нам, армянам,
 принявшим с древности вызов
Смертей и нашествий,
 всегда был близок
Гамлет, в наши вошедший души,
С нами по нашим горам идущий.
И по всем безысходным векам, как векам,
И в каждой судьбе и во всех домах
«Быть или не быть?» — вопрошало эхо,
«Быть или не быть?» — сводило с ума...

И вот на нашей земле возрожденной,
На милой земле, от мук огражденной,
На улочках высокогорных сел,
Под светлыми сводами новых школ,
У древних стен, с их резьбой чеканной,
Шумят развеселые мальчуганы.
Ты, чужеземец, бродя по склонам,
Бровей не вскидывай удивленно,
Слыша, как матери кличут их ласково
Именем бледного принца Датского.
Хотя они по-южному смуглые
И по-армянски они говорят,

Хотя черны их глазенки круглые
И угольками горят-горят.
Гамлеты, маленькие и потешные,
Над мудрыми книгами еще не потевшие,
Штанишки свои по заборам рвущие,
Бегущие от матерей за порог...
Еще невдомек им: а что это — лучшее?
А где она — лучшая из дорог?
«Быть иль не быть?» —

сомнение жгучее

Их не касалось еще и не мучило,
Но всем своим безоблачным обликом,
Обликом, солнечным светом облитым,
Но громким топотом и весельем,
Здоровьем, которого не погасить,
В мир устремленным взглядом весенним
«Быть! — они утверждают. —

Быть!..»

1УЖАЯ РАДОСТЬ
МНЕ -
СВОЯ

* * *

Не жалеюсь на сердце я:
Пусть щежит, болит сильней!
Чужая радость мне — своя,
Чужая боль своей больней.
Весь мир бы в сердце я взяла,
Костром горела б на ветру!
Лишь сердцем я всегда жила,
Пусть от сердца и умру...

ЖИЗНЬ МОЯ

Словно убывающий Севан
Жизнь моя... Бессонно мчатся годы.
Так Зангу несется сквозь туман
И севанские уносит воды.
Время каждой капле счет вести!
Жизнь моя, стремительней, бесстрашней
Закружи турбины на пути,
Напои сады, баштаны, пашни,
Одинокий тополь на скале,
Виноградник в поле знойным летом, —
Каждой каплей послужи земле,
Все отдай и позабудь об этом.

В каждом доме стань теплом и светом,
Стань вином и хлебом на столе!..

СЧАСТЬЕ

Счастье!

Было ты всегда, от века,
Вечным тяготеньем человека...

Счастье!

Окропленное слезами,
Было ты от древности глубокой,
Как звезда — всегда перед глазами,
Как звезда — всегда в дали далекой...
Если же спуститься ты пыталось,
Падало звездой
И рассыпалось.

Счастье!

Приходи по новым вехам.
Счастье! Появись пред человеком
Не звездой, вдали дрожащей немо,
Не звездой, вдруг падающей с неба
На земле, теряющей свой свет, —
Нет!
Не оставив никого в обиде,
Ты спустишь по заданной орбите
С точностью космических ракет!..

ЛИЛИТ

Ты — первый огонек меж первых двух кремней,
Ты — движущийся блеск неоновых огней,
Неуловимая от самых давних дней,
Лилит, Лилит!

От века скрытая в душевной глубине,
Всегда как в облаке, как в дымке, как во сне,
Вдвойне желанная, бесценная вдвойне,
Лилит, Лилит!

В теснинах сердца ты как праздничный тайник,
Родник влечения, сомнения родник,
Падение и взлет, блаженства жгучий миг,
Лилит, Лилит!

Здесь — и земля и хлеб, а ты — порыв мечты.
Ты — где-то, и твои изменчивы черты,
Воспламененная, испепеляешь ты,
Лилит, Лилит!

Здесь — тихий, теплый кров, а ты — пустырь, простор,
Здесь — тлеющий очаг, а ты — лесной костер,

Здесь — примирение, а ты — извечный спор,
Лилит, Лилит!

Непризнанная, ты всему и всем чужда.
Здесь — Ева. Здесь — плоды. Твой цвет не даст плода.
Меж небом и землей одна, одна всегда,
Лилит, Лилит!..

ВОЙНА

Осиротевших матерей венчает славою народ.
Учтиво уступают путь вдове погибшего бойца,
Охотно на руки берут, ласкают бережно сирот,
Стараются от всей души родного заменить отца.

А вы? Кто замечает вас, случайно встретив на пути?
Вас, не успевших дорасти до званья матерей и жен.
Потере вашей меры нет, — ведь не успели вы найти.
Чьи имена оплакать вам? — ведь не узнали вы имен.

Вы не успели их узнать, они не увидали вас.
Вы были созданы для них. Они бы всюду вас нашли.
Их тьма — ослепших, не прозревших, не вспыхнувших любовью глаз,
Непрозвучавших нежных слов во глубине сырой земли.

А каждый шепот милых губ в вас целый мир бы разбудил,
Возвел бы кров над головой очей влюбленных каждый взгляд.
И в ваших выцветших глазах возникло бы сиянье сил,
Что наполняют женщин тех, которым о любви твердят.

Напрасно ждали вы дождя, жестокой засуха была.
Иссякла нежности река, и вы увяли вместе с ней.

И материнства благодать на вашу плоть не снизошла,
Не подарили жизни вы своих единственных детей.

Война... Не кончилась она, когда умолк последний взрыв.
Она, как мина, много лет взрывает медленно сердца,
Мать вечной памятью жива — ее ребенок с нею жив,
И дети взрослые вдове — живая память про отца.

А вы? Кого вам вспоминать? Чего вам ждать? Идут года...
Их след — морщинка на лице, в тяжелых косах седина.
Движенья времени — увы! — вас не утешит никогда.
Вь: те печальные поля, где продолжается война...

В ЛЕСУ

Я в этот лес рокочущий вхожу.
Он, как рассвет, и сумрачен, и светел.
Его упругий воздух, как вожжу,
Одним рывком натягивает ветер.

Деревья всюду — рядом, вдалеке,
Стоят крест-накрест, сгорбленно и чинно.
Их бездна, их как спичек в коробке.
И в этом их забвения причина!

А если б роскошь каждого в пески,
Где влаги в торбах кожаных тащиться, —
Верблюды бы вставляли на носки,
Чтоб к чудесам зеленым приобщиться!

И за младенца у тебя, земля,
Была б осинки розовая ножка,
И снились бы душистые поля
Погонщикам, шершавым как картошка.

А дерево шумело б и росло.
И в пламя нескончаемого лета

Однажды б горло певчее вошло
Прославить ствол кристалликом куплета.

Мы пили все бы этих слов росу
И бредили той одинокой тенью...
Толпятся с гулким рокотом в лесу
Лишенные внимания растенья.

И яркой головой, как головней,
Качают в гневе, требуя участия.
О дерево в каемке голубой,
Пески иль дебри — ты достойно счастья!

ВДОВЕ ГЕРОЯ

Твоя утрата выше слез и стонов:
Ведь тот, кто был тобой, как жизнь, любим,
Боролся ради счастья миллионов.
А был весь век твоим, и лишь твоим.
И, словно кован из прочнейшей стали,
Он мужество швырял в лицо врагам.
Пред ним, как пред грозой, отступали,
А он, как мальчик, льнул к твоим рукам.
Нет меры горю. Но высокий жребий —
В последний миг в глазах героя всплыть,
Взлететь лучом в его померкшем небе,
В движение губ его предсмертном быть.
Какая это празедная участь —
Жить негасимой памятью о нем,
Сокрытою, бесслезной мукой мучась,
Любить его, гореть его огнем.
А в трудный миг печали и обиды
Его письмо достать, как талисман,
И гордой стать, и слез своих не выдать,
И пересилить боль живучих ран.
И, озаряясь светом этим прошлым,
Живой любовью мертвого любя,
Встать над соблазном, над довольством пошлым,

Что гибнет, разбиваясь о тебя.
И с этой чистой памятью живою
Идти вперед наперекор судьбе...

Пусть все вокруг зовут тебя вдовою,
А я подчас завидую тебе!..

ЖЕНЕ СОЛДАТА

Он не вздыхал, он не стонал от боли,
Не звал тебя в свою густую тьму.
Нет, ты сама, сама, по доброй воле,
Без колебаний подошла к нему.
Он, жертвовавший всем, не ждал ни жертвы,
Ни жалости к лихой своей судьбе, —
Сама, самоотверженно, по-женски,
Ввела его за локоть в дом к себе.
А вот сейчас...

Как будто обреченный,
Он потемнел, молчит... Но отчего?
Глаза — сухие под повязкой черной,
Под траурной повязкою его...

О, если вдруг тебя другие руки
Зовут, — его, его не обмани!
Коль взгляд чужой зовет, ты в смертной муке
Закрой глаза: пусть не глядят они!
Себя не выдай ни единым жестом,
Себя стеной безмолвья окружи,
Неси свой крест! О, поступи по-женски!
Свяжи себя и сердце удержи...
Когда же станет трудно, тяжело очень,

Невозмогу от боли — как ни прячь, —
В углу тихонько под покровом ночи
По-нашему, по-бабьему, поплачь...
А он...

Навек тоскою отягченный,
Он полон слез, но им исхода нет:
Повязкой черной, как плотинкой черной,
Закрыты все пути на белый свет...

ОДА ДНЮ ПОБЕДЫ

Ты отливаешь яркой гранью мая,
Светящийся, как драгоценность, день.
Мы помним о тебе с такой любовью,
С такой тоской и нежностью высокой,
Как два седых усталых человека
Безмолвно помнят свой венчальный трепет.

О, утро, что берет начало ночью
В потоке сверхъестественного света,
Рожденного в глазах, в сердцах людей!
Ты ликование принесло на землю.
И мир напоминает мне бутылку,
Наполненную солнечным шампанским.
О, нетерпенье пенного вина!
Как далеко летит печали пробка,
Как радостно прогрехотал восторг
Спустя минуту залпами из пушек!
В какой бокал влетит фонтан ракет?
День радости, восторга, День Победы!

Поцеловались небо и земля,
Закинув головы в сиянье фейерверка.
И добрыми губами океанов
Сомкнулись полушария земли.

Войска с войсками целовались громко,
Поцеловались радиоволнами
Потресканные губы городов,
Поцеловались улица и площадь
Восторженными толпами людей.
Мужчины крепко целовали женщин,
Забыв себя и плоть свою на миг,
Забыв тоску, и выгоду, и горе,
Став за одно священное мгновенье
Великими в любви и доброте.
День вдохновенья, чистоты, величья!

Стал небосвод объятием бездонным,
А горизонты — гибкими руками.
Они в одно кольцо соединились
И взяли человечество в свой круг.
Оно смеялось громко, простодушно,
Страданья сделали его ребенком, —
И вот оно опять готово верить.

День ласки, перемирья и доверья,
День до конца оправданных надежд!
Ты — самый яркий среди всех прошедших,
Ты — самый щедрый среди всех минувших,
Неповторимый, самый невозвратный,
Не знающий подобных,
День Победы!

ОБНОВЛЕНИЕ

Людское сердце как земля, душа людская — тоже.
И сколько б сад ни умирал от стужи и от дрожи,
И сколько снег бы ни лежал, ни бушевали вихри,
И сколько град бы ни хлестал, хлеба в полях ни никли, —
Жизнь все равно возьмет свое, весна назад вернется.
И шар земной, как ни кружись, не убежит от солнца.
И вот уж — хочешь или нет — росток пробился нежный,
И вот уже из-под камней проклюнулся подснежник,
И вот уж льдины на пруду раскалываться стали,
И вдруг увидишь поутру на небе птичьи стаи.
Ручей о чем-то бормотал, а тут развел рулады,
И расцвели уже цветы и тянутся из сада.
А сад расцвел, хоть погибал от стужи и от дрожи...

Людское сердце как земля, душа людская — тоже.

ВЕСЕННЕЕ

Последний снег исчез, как сон.
Перил сверкающих не вижу.
О, кто предвидеть мог, что он
Так беззаветно канет в жижу!
Сперва покинул высоту —
Заполнил леса этажерку,
Теперь безмолвно чистоту
Принес цветам и солнцу в жертву.
Еще ни песни, ни ростка,
Еще не зная чувства меры,
Природа взвинчена, резка,
И безнадежно краски серы.
И бог весть что она творит
С тех пор, как поборол снежность!
Лишь ель зеленая стоит
Вся — иероглиф слова «свежесть»!
Одна, во всем лесу одна,
У всех подруг под снежной маской
Приметы видела она
Апрельской зелени и майской,
Во имя лиственной поры
Надломы смолкой затирала,
Когда свирепые пиры

С бураном выюга затевала.
Понять ли вспрянувшим от сна
Березкам тонким, словно нитки,
Как доставалась ей весна,
Зеленой этой пирамидке?..

СТАРОСТЬ

Старость!

Вот начинает свое наступление старость.

Тайно, украдкой, но без промедленья
в черную ночь черных волос

Белый десант бросает старость.

Вот на глаза морщины идут в штыковую

И молодые огни угашает старость.

За рубежом рубеж занимает старость,

Каждую складку лба за собой закрепляет.

Сердце — беспечный командир гарнизона —

Молодцевато пирует и не понимает,

Что часовых его старость снимает

И за окопом окоп занимает.

ЗОЛОТО

Он все с улыбкой бросит на весы,
Обвесит, но в цене не ошибется,
И на руке его не жилка бьется,
А золотые тикают часы.

Он так поверил золотым часам,
Что замолчала кровь его живая.
И незаметно он заржавел сам,
Достоинство и честь распродавая...

ДИРИЖЕР

На сцену вышел неслышно маленький человек,
За пультом поспешно стал и руки кверху простер —
И поднял руками высь
И тишину рассек,
И хлынул в замерший зал сожженный грозой простор!
Росли миры и моря.
И воздух солнцем запах.
Гроза слепила глаза и ширилась — без конца!
И маленький человек в поющих своих руках
К державному солнцу вознес очарованные сердца.
Он был прекрасен и мудр.
Он был могуч и высок.
Он властно заставил сиять сокровища душ людских.
Он пламень крылатых дум в тревожных умах возжег
И свет застенчивых тайн в глубинах сердец постиг.

Текли, сливаясь, мечты, как сотни блещущих рек,
И обнимал людей ласковый океан...
На сцену, сгорбившись, вышел маленький человек.
А ушел — великан!..

ТАЙНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Собрание проходило трудно —
Сквозь бури резких выступлений,
Сквозь рифы тайного голосования
Оно стремилось к цели, словно судно,
Застигнутое штормом в океане,
И наконец пристало к берегу
Вновь избранное партбюро.

...Поздний вечер.
С собою споря, недовольный собой,
Припоминая чьи-то речи,
Я возвращаюсь медленно домой...

О тайное голосование!
Ты в самом деле вычеркнул тайком
Того, кто, выступая на собрании,
Корил тебя прямым и честным языком.
В тебе обида с совестью боролась,
И, самолюбью мелкому послушный,
Ты вычеркнул его, хоть твердо знал: он прав!
И вот он провалился, недобрав
Всего один — не твой ли это? — голос.
Прошел другой, беспечный, равнодушный,

Без сердца, без души, но мягкотелый
И ласково-искательный и зыбкий.

Когда тебе придется очень туго,
Пройдет он мимо с деланной улыбкой,
Добру и злу бестрепетно внимая.
И никогда в защиту нашей правды
Не грянет гневно речь прямая.

А тот, другой, боец и коммунист,
Который волей тверд и сердцем чист,
За все дурное спрашивает смело,
Как малое дитя добру бывает рад,
Который честно послужил бы делу, —
Он не прошел в бюро...
Ты в этом виноват.
Ты вычеркнул его, идя на поводу
У маленького «я», обиженного правдой.
Признайся сам себе хотя б в ночной тиши,
Хотя бы в этот миг себе не смей солгать.
Ведь минет эта ночь, наступит завтра,
И снова у людей ты будешь на виду
Святые истины вещать от всей души,
К принципиальности высокой призывать...

Иду я медленно. Прозрачна мгла ночная.
Как город мой хорош! Как мягок ветер с гор!
Он остужает лоб, как будто предлагая
Переменить нелегкий разговор.
Но те же мысли, как во мраке искры,
Преследуют меня, летят за мной вослед
И требуют: «Не забывай нас быстро!»,

И требуют: «Держи прямой ответ!»,
И требуют: «Уйти во мрак не дай нам!
Не дай нам отступить, лишь свой покой
храня!»

И совесть голосованьем тайным
Свой голос отдает не за меня!..

БЕРЕГИ СЕБЯ, ФИДЕЛЬ!

Со Сьерры-Маэстры, с крутых высот
Сошел, с бородатым Исусом схож,
Но крепче, моложе, земной породы...
Шагает по юной своей стране
И алчущим, жаждущим мощной рукою
Землю насущную раздает.

Упрямо печатая крупный шаг,
Он — здесь и он — там. Он с людьми повсюду.
Но в зарослях может скрываться враг —
Теперь и с небес слетает Иуда!..
И женщины с трепетом сердца тревожным,
И старцы, что многое в жизни видали,
И дети высокими голосами
Громко кричат, заклиная, молят:
— Фидель, береги себя!

Фидель, береги себя!
От заговора, от пули вражьей,
От недосыпанья, от недомоганья,
От стужи, дождей, от жары жестокой,
От черных напастей, разящих сразу,

От тех, что еще не имеют названия,
Фидель, береги себя!

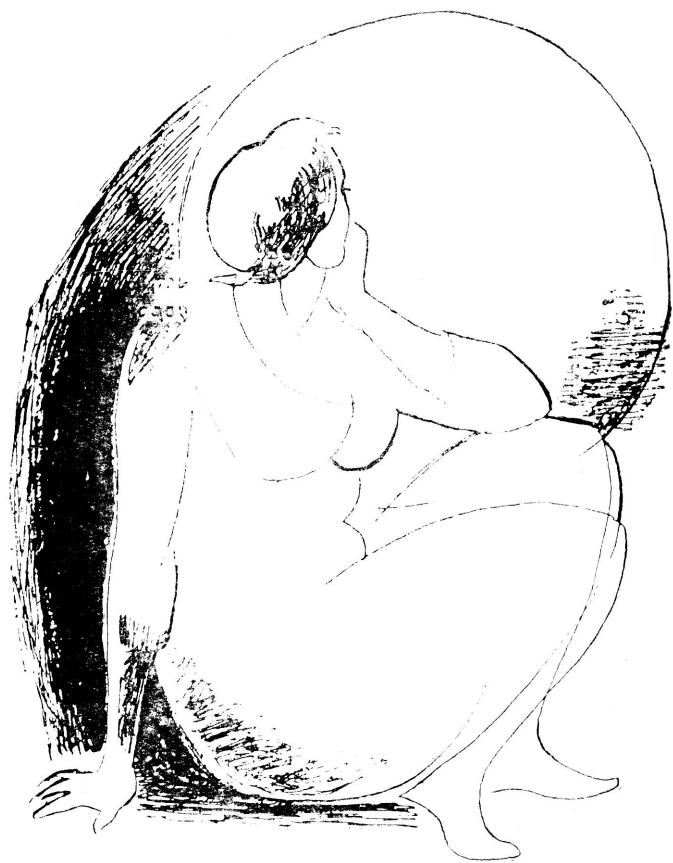
Со старым солдатом ты делишь пищу,
Жилье твое скромное — в общем доме.
Одним ты богат — народной любовью.
Фидель, береги достояние это,
Фидель, береги себя!

Всем сердцем внимает твоим речам
Усталый крестьянин, как в церкви стоя
И об усталости позабыв.
И все же, когда ты кончаешь речь,
И прежде, чем речь начинаешь снова, —
Послушай, Фидель, человека простого!
Повсюду тебя воспевают поэты,
Матери шепчут благословенье...
Бойся привыкнуть лишь к восхваленьям,
Бойся боязни прямого слова!..
И подчиняющий может ослепнуть
От слепоты подчинившихся слепо...
Фидель, береги себя!

Себя сохрани средь сладчайших похвал.
Не слушай льстецов, если скажут: «Гений»
И если отцом тебя назовут,
Когда ты лишь пламенный, лишь беззаветный,
Лишь преданный сын своего народа!
В непогрешимость свою не верь!
От безоговорочного поклоненья,
От жажды считаться единственно правым, —
Фидель, береги себя!

Дорого к правде дается дорога.
Здесь одинокому не пройти.
Зоркого взгляда идущего рядом,
Друга надежного верную руку
В трудном пути не отвергай!
Не забывай, что ты держишь знамя.
Народ за тобою, Фидель!

Фидель, береги себя!
На беспокойный маленький остров
Смотрят глаза всех людей на свете:
Вражеские — с раздражением острым,
Дружеские — с восхищеньем и верой...
Фидель, береги себя!..

ВЕЧЕРЕЕТ
МОЙ ДЕНЬ
ЛЮБИМЫЙ

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Если не люблю я, не люблю тебя,
Почему же тает, как весною, лед,
Почему же солнце, как весною, жжет,
Как весной, сияет синий небосвод, —
Если не люблю я, не люблю тебя?

Если ты не любишь, любишь не меня,
Почему же тихий переулочек твой
Так со мной приветлив и добры со мной
Люди, снег, окошки, тополь молодой, —
Если ты не любишь, любишь не меня?

Если ты не любишь, если не люблю,
Почему на небе звездам нет числа,
Дни зачем прекрасны и прозрачна мгла,
В мире много счастья и так мало зла, —
Если ты не любишь, если не люблю?..

5 ОКТЯБРЯ 1957 ГОДА

Нынче все в поэты записались.
Лишь луна да звезды на устах.
За ракетой молодость и старость
Устремились в мыслях и мечтах.
А вот сердце... сердце так же бьется
И все той же следует судьбе.
Все гляжу я на твое оконце,
Все еще тоскую по тебе.

Сколько нового пребудет в мире!
Человек, к созвездьям устремясь,
Оборвавши притяженья гири,
На Луну подымется, на Марс.
Но и там в душе его проснется,
Разольется музыкой любовь,
И в далеких сферах, близких солнцу,
Затоскует он и вспомнит вновь
Комнату и огонек в оконце
На далекой обжитой Земле...
И со всех дорог домой вернется,
О живом затосковав тепле...

Комнату и огонек в оконце —
В мирозданья беспредельной мгле!..

В ЭТОТ ВЕЧЕР

Этот вечер спокоен и светел,
И душа в этот вечер ясна,
Словно тучи стряхнула иль пепел,
И взирает на мир, как луна.

Я гляжу с высоты поднебесной
И не вижу ни смрада, ни мглы,
Не болота я вижу и бездны,
А поля, что от света белы.

Вижу — окна, как звезды, лучатся,
Улыбаются их огоньки,
И дороги, зовущие к счастью,
Уж не кажутся так далеки.

В этот вечер душой, как луною,
Озарила я все на земле.
Поделилась ты светом со мною,
О любовь моя — солнце во мгле!..

✻ * ✻

Нет для тебя ни преград, ни помех,
Чтобы творить чудеса надо мною,
Сделать меня красивее всех,
Радостней всех под этой луною.

Можешь весь мир движеньем одним
Или одним лишь зовущим взглядом
Мне подарить и поднять над ним,
Чтоб оказалась я с солнцем рядом!

Дай же мне юность изведать вновь,
Дай же мне силы мои измерить,
Дай мне поверить в твою любовь!
Дай мне поверить, дай мне поверить!..

* * *

Имя твое я вписала б в небо ночное,
Если бы звезды мне не сияли
Буквами имени твоего.

Морю, цветам повторяла б имя родное,
Если б цветы и морские дали
Не повторяли сами его.

Мир бы наполнили песни, спетые мною,
Если бы в мире не написали
Их до рождения моего...

* * *

Любимый, эта тишь, как лед, звонка.
Любимый, сколько дней я жду звонка.
Телефонист сказал: «Наладим связь.
На всех дорогах ливни, грозы, грязь».

Он в чем-то прав. Откуда знать он мог,
Что это мы стоим в концах дорог
И это наши облака тоски
Раскалывают небо на куски,
Что это наши руки в маете
Так диковато светят в темноте,
Ища друг друга между скал и звезд,
Напоминают молний перехлест.
И ветры ветрам излагают суть,
И ветры чувствам сокращают путь.
От них я знаю все, что знать должна.

А там сказали: «Связь повреждена...»

* * *

Если ты пришел бы, ты пришел, мой милый,
Если б каждый шепот не казался зовом,
Если б в ожиданье сердце не ломило,
Если б не бледнела от звонка любого,
Если бы минута в век не вырастала,
Если б сердце хрупким от тоски не стало,
Если бы не стало сердце мягче ваты, —
Нитками б от сердца не тянулись строки,
Песня б не сплеталась без тоски проклятой...
А потом, склоняя взор печально строгий,
Девушка над книгой утро б не встречала
И моей строкою боль не облегчала...

Облегченье после песни, честно спетой, —
Как ты достаемься дорого поэту!..

ЧАСЫ ОЖИДАНИЯ

Не пришел ты... И ночь почернела в тоске.
Вот и сердце мое как пустой переулок.
Лишь клюет тишину чей-то шаг вдалеке,
Чей-то шаг запоздалый, тревожен и гулок.

Я надеюсь еще. Я вливаюсь во тьму,
Я ловлю, как шаги нашу улицу мерят.
Вот все громче, все ближе к крыльцу моему,
Вот сейчас подойдут и затихнут у двери.

Но шаги, удаляясь от двери моей,
Раздаются в тиши все спокойней и строже.
И болит мое сердце сильнее и сильнее,
Будто топчет сейчас его каждый прохожий...

РАЗРЫВ

Знаю, знаю, что она красива,
Что глаза — темнее ночи звездной...
Уходи. От нашего разрыва
Рухнут стены... Прочь, пока не поздно!

Не гляди в глаза мои украдкой.
Эти слезы — вздор, и что в них толку!
Плачь не плачь, а счастье было кратко,
Плачь не плачь, а горю длиться долго.

Уходи скорей. Открыты двери.
Не следи за мной в тоске неловкой.
Сердце не свыкается с потерей,
Коль к тебе привязано веревкой.

Ты отходишь, и петля невольно
Затянулась, будто мы все ближе!
Это больно. Понимаешь? Больно.
Оторвись!

Уйди скорей!

Уйди же!..

ЗАБВЕНИЕ

Ты решил, что тебя я забыть не смогу?..

Как широк этот мир, сколько радостей в нем!
Сколько ран он наносит и лечит потом!
Я в кипучую жизнь, словно птица, влечу
И глубокую рану свою залечу, —
Я забуду, навеки забуду тебя...

И, плененная маем одна за двоих,
Я брожу, опьяненная счастьем других,
Улыбаясь прохожим, деревьям, домам,
О минувшем я сердцу и вспомнить не дам...
(О, как славно бродили мы вместе с тобой!)

В полночь дружеский стол зазывает меня,
Беззаботным весельем и смехом маня,
Песня птицей парит над моей головой,
Растворяюсь я в радости этой живой...
(О, как пел ты когда-то всю ночь до утра!)

Ночь синеет, и звезды мерцают над ней,
Я пьянею от праздничных жарких огней,
Чей-то взгляд на мгновение мне в душу проник,

Я счастливой себе показалась на миг...
(О, как нежно и строго умел ты смотреть!)

Кто-то долго меня провожает домой,
Мы смеемся и шутим, окутаны тьмой,
По ночным мостовым побродив допоздна.
Мы желаем друг другу спокойного сна...
(«Ну прощай!» — я твой голос в душе берегу!)

Ты решил, что тебя я забыть не смогу?..

В МИНУТУ ТОСКИ

Приди, приди, приди,
Хотя бы для прощанья,
Хотя бы без желанья, —
Приди, приди, приди!

Хоть с холодом в груди,
Рассеянный, далекий,
Насмешливый, жестокий, —
Приди, приди, приди!

Пусть горе впереди, —
Что плакать об утрате!
Хоть из чужих объятий —
Приди, приди, приди!

* * *

Ах, как ты светлоока, луна,
Свет любовного рока — луна.
Светишь ласково парам влюбленным,
А сама одинока, луна...

* * *

В московском говоре весеннем,
В его прощании с зимой
И колдовством, и откровеньем
Звучит акцент армянский мой.

К рассвету побледнеют лампы,
Настанет полдень, как вчера.
Разлуку не смущают штампы:
Дороги, полдни, вечера.

Пускай сиянье водопада
Исходит от летящих дней!
Пусть будет нежная награда —
Старанье памяти твоей

Расслышать в говоре весеннем,
В прощании Москвы с зимой,
Как давним, дальним откровеньем
Звучал акцент армянский мой...

ВЕСНА В ЛЕСУ

С этой болью я будто моложе...

С. Есенин

1. ЛЮБОВЬ

Нынче утром ты посмотрел на меня
Так по-домашнему, так тепло.
Голубеющим взглядом твоим меня
Словно облаком легким обволокло.

И с утра, в синей дымке, брожу весной,
В глушь лесную тропинки меня завели.
Ты, как небо, — все время в пути со мной,
Ты, как небо, — всегда от меня вдали.

Грусть моя словно светлый весенний пар,
Словно песни забытой внезапная весть.
Слезы — юности неоценимый дар,
Значит, вы не иссякли, вы еще есть!..

2. ВЕСНА

Знаю, знаю я — виноват не ты,
А эти тающие снега,
Что сердце, снежные сдвинув пласты,
Вот-вот нахлынет на берега.

Не ты виноват, а болтун-ручеек,
Назначающий встречи у всех мостов,
Что мне дела нет до промокших ног,
Что шагаю и что-то пою без слов.

Это ветра, деревьев, неба, земли
Голоса, пробуждающиеся в тишине,
Виноваты, что каждый шорох вдали
Шагами твоими кажется мне.

Виноваты солнце, и облака,
И под дождиком шепчущие кусты,
Что глаза не могут заплакать никак,
Хоть, как туча, влагою налиты...

Видишь, милый, не ты виноват, не ты!

3. ВСЕ МНЕ КАЖЕТСЯ

Все мне кажется — если увижу тебя,
Побегу, как ребенок, навстречу тотчас
И застыну, покорная, не отводя
От тебя зачарованных, любящих глаз.

Но когда не спеша приближаешься ты,
Подымается гордо моя голова,
Холодеет мой взгляд, равнодушны черты,
На радушный поклон отвечаю едва.
Все мне кажется — если увидимся вновь,
Сердце скрытное настужь тебе отворю
И скажу тебе столько несказанных слов,
Столько трепета, света, тепла подарю.

Но при встрече пустой завожу разговор,
И острою, и колю, и развязно шучу,
Начинаю никчемный бессмысленный спор.
Улыбаюсь надменно и зло хохочу.

Ну заставь же, заставь же меня замолчать,
Охвати мою голову, силой склони,

Отведи ото лба черно-синюю прядь,
Молчаливо в глаза мои загляни!

Дальше, глубже, до самого дна загляни!..

4. Я И ОНА

Она вдвоем с тобой стояла как всегда
Уверенно.

А я — прошла я мимо вас.

И не узнал никто, что я тебя с собой
Взяла и унесла, вобрав в свои глаза,
Что унесла в ушах затихший голос твой,
В груди своей твое дыхание унесла,
Я унесла тебя таким, каким со мной,
И лишь со мной ты был — поверившим в мечту,
Все лучшее взяла, что только мне одной,
Все внешнее в тебе, всю яркость, красоту.
И медленно вдвоем шагали мы с тобой
Навстречу синеве, весне, грозе, ветрам,
Нас зазывала глушь приветливой тропой,
«Добро пожаловать!» — кричали птицы нам.
Чешуйки почек вдруг, как веки, приподняв,
Заулыбался лес нам тысячами глаз,
Земля прильнула к нам прохладой влажных трав.
Любовно приняла в свои объятья нас.
И долго так мы шли вдвоем в лесной глуши,
От гари, суеты, от пыли вдалеке,
От цепких мелочей, от пагубы души,

С которой прозябать на тесном пяточке.
Была лишь песня, свет, любовь и чистота,
И дальний этот путь, и счастья ранний час.

Она вдвоем с тобой стояла как всегда
Уверенно.

А я — прошла я мимо вас...

5. ПЕСНЬ НАША, ПЕСНЬ

Весна здесь иная — трудна и робка...
О, если б ты теплое слово сказал,
Скорее бы лед расколола река,
Быстрее б в низины туман уползал.

О, если б сказал! Но упорствует мрак,
Господствует стужа, безмолвствует лес.
Весна здесь иная, приходит не так,
И дали глухие, и глухо окрест.

А рядом со мною смеются, шумят,
Их речи звучат на другом языке...
Пора мне, пора собираться назад,
Я грустно сижу у себя в уголке.

Стихи на столе... Неотступно глядят
Армянские буквы черновика,
Как будто глаза дорогие хотят
Помочь мне, утешить издалека.

Как будто бы строки — бывшего лучи,
Сквозь узкую прорезь оконца — заря,

Протяжный напев оровела в ночи,
Орнамент старинного монастыря.
О песнь наша, песнь! Наша родина, дом,
Душе бесприютной — четыре стены.
Поэтому «тун»¹ мы, армяне, зовем
Четыре строки и четыре стены.

¹ Т у н — по-армянски дом и строфа.

ИЮНЬ

Ручьи теперь спокойно потекли,
А как шумели под моим окошком!
Нет и фиалок тех, что с нами шли
На тонких ножках по сырым дорожкам.

Осталась та ушедшая весна
Цветком засохшим, как любви заметы:
В мою тетрадь записана она
Чернилами фиалкового цвета...

ОСЕННИЙ САД

Ты полыхай, ты пламеней,
Ты не бледней, осенний сад!
Еще совсем немного дней
Повремени, о листопад.

Ручей, беги, звени, дыши,
Не стань немым под тонким льдом,
Холодный ветер, не туши
Огонь, пылающий кругом!

Там, где еще горит листва,
Должна дожждаться я любви,
Должна произнести слова,
Еще горящие в крови.

И смех в журчанье ручейка
Еще услышать должен сад!
Ручей, беги, звени пока.
О, затянись же, листопад!

Не заставь меня плакать, — я плакала много, любимый;
И не думай напрасно, что я холодна и надменна.
Мне изранили сердце, и в шрамах оно постепенно
Отвердело, но больно ему от ожога, любимый.

Безоглядно я шла, доверялась открыто и прямо,
Но как часто встречала я с горечью неодолимой
Камень вместо сердец, я же верила в сердце упрямо...
Нелегко мне досталась прямая дорога, любимый.

Мне бы тихо уснуть, как ребенок, склонясь головою
На колени твои, — отдохнуть от тоски нестерпимой.
Тайный свет сбереги, озаряющий сердце живое, —
Вечереет мой день, уже ночь у порога, любимый.

ОСЕННИЙ ЗОВ

Зову тебя не робостью ветвей,
Едва зазеленевших,
Не весельем
Ручьев весенних, —
Зову тебя я осенью своей,
Зову тебя я зрелостью осенней,
Безмерной грустью листьев опадающих,
Тревогой рек, в ущельях пропадающих...
Приди!
Морозит по утрам, хоть снега нет нигде еще, —
Мне нужен жар твой, теплота твоя!
Приди!
С моей ладони холодеющей
Умчатся птицы в теплые края —
Нужна мне жаркая рука твоя!
Приди!
Последние плоды спадают на траву
С моих деревьев. (О, восторг вкушенья!..)
Отдачей осени и самоотрешеньем
И осени отчаяньем зову,
Зову я щедрой данью урожая...
Приход зимы опережая,
Приди!

РАЗЛУКА

Нас город девяти вокзалов свел.
А после — руки девяти вокзалов,
Стальные рельсы вырвали тебя,
Не размышляя, из моих объятий.
И опустело сердце у меня,
Как после отправления поездов
Платформы этих девяти вокзалов.

Во мне — тоска бесчисленных разлук,
Боль всех разлук на девяти вокзалах!
Протяжными, прощальными гудками
Летающих в девять точек поездов
Вздыхаю я
На стынувших дорогах...

ВЕРНОСТЬ

Если б ты знал, сквозь какие напасти,
Сквозь какие туманы любовь я несла...

Огни твоего возвращенья угасли,
И шла я на ощупь, но все-таки шла.
Мне сердце немислимой ношей казалось,
Дорога была от соблазнов душна,
Пьяня как вино, искушенье металось,
Но я — я в обратную сторону шла.
И если случайное доброе слово
Кого-то за мной уводило подчас,
Зеленый огонь светофора я снова
Меняла на красный — огнем своих глаз.

На празднике шумном
Всех звонче был смех мой, пожалуй,
И многим он отзвуком счастья казался, поверь,
Чтоб вечером поздним,
Прощаясь с моим провожатым,
С любезной улыбкой
Закрела я накрепко дверь.
И я погружалась
В свое одиночество снова, —

Не смейся, не смейся,
Осталась я верной судьбе.
Любви моей свету,
Желанию счастья большого,
Всей сути моей я осталась верна —
Не тебе!

Чтобы поднять тебя на пьедестал,
Чтоб удержался ты на пьедестале,
Чтоб крыльями орлиными блистал,
Орлиным взором созерцая дали, —
За это я всю душу отдала.
Я верила в тебя, как верят дети.
За все твои недобрые дела
Передо мною не был ты в ответе.
Закрыв глаза, глядела на тебя,
Чтоб видеть лишь таким, как мне хотелось.
Обманивалась, вымысел любя.
Куда же ослепление это делось?
Ты рухнул с пьедестала, и тотчас
Прозрела я, но как сознаться тяжко:
Всем сердцем я платила за алмаз,
А оказался он простой стекляшкой...

НА ПОРОГЕ НОВОГО ГОДА

И снова новый год... В его преддверьи
Не жажду ни любви, ни славы громкой.
Лишь снял бы с сердца тяготу потери,
Чтоб я могла дышать легко и емко,
Моей возобновляющейся вере
Помог бы он срастить хоть два обломка...

* * *

Не думай, что был ты всех лучше и выше.
Уж так получилось,
Уж так это вышло...
Давили те дни, словно чья-то немилость,
За дверью дождливая осень дымилась.
Оттуда, снаружи, — ни слуха ни духа,
Стучали часы методично и глухо.
Как слезы, стучали,
Тоску источали,
Тоску, что казалась такою бездонной,
Что в собственном доме была я бездомной.
Чернел телефон — глыба камня немого,
За дверью дождливая осень дымилась,
И сердце так к сердцу другому стремилось,
Что было в неправду поверить готово...

* * *

Была добра любовь моя,
Великодушна, терпелива.
Тебя благословляла я
И в жесточайший миг разрыва.
Моя тоска была светла,
В мученьях ревности беззлобна,
И все, что зависти подобно,
Испепелила я дотла,
Чтобы душе не жить без света.

А нынче мелким ручейком
Сама себе кажусь, когда я,
Холодный взгляд поймав тайком,
Лишь холодею, не страдая.
Сама свидание прерву,
Когда предчувствую разлуку,
И первой протяну я руку,
Но не прощаю, не зову,
И думаю — любовь ли это?..

* * *

И эта любовь так была на любовь не похожа.
И этот разрыв разве чем-то похож на разрыв?
Была еле слышная, дальняя песня. И что же?
Она умерла, два луча в две ладони разлив.

Два голоса влажных — два сердца во глубь телефонов
Роняли дыхание, — оно погружалось, как сеть.
Они не оставили в книгах ни листьев сушеных,
Ни писем желтеющих — нечему в печке сгореть.

Средь гула и рокота суетных улиц нарядных
Две пары подошв так растерянно шли... никуда!
Исчезли они, не войдя ни в одно из парадных,
На глянце асфальта, как все, не оставив следа.

И эта любовь так была на любовь не похожа.
И этот разрыв разве чем-то похож на разрыв?
Была еле слышная, дальняя песня. И что же?
Она умерла, два луча в две ладони разлив...

* * *

...И забыть, что есть дом, — и свой дом позабыть.
И забыть, что есть долг, — и свой долг позабыть,
И призвание свое и свой род позабыть,
И признание твое, мой народ, позабыть,
Позабыть о стране, позабыть вдалеке
О своей несвершенной мечте и строке.
Позабыть о суде, позабыть о судьбе,
Все концы, все начала увидеть в тебе.
И однажды низвергнуться снегом с вершин,
И до верха заполнить долины кувшин,
И растаять, разлиться, как в марте вода,
Чтобы русло твое поломать навсегда,
Чтобы к морю свое наводнение нести,
Чтобы сделаться морем самой по пути —
Осмеять, позабыть все основы основ
И любить без оглядки, без страха, без слов...

Ни к чему эти строки — как искра в золе.
Это все невозможно со мной на земле!...

• • •

Небрежно и щедро я жизнь прожила,
Подобно ребенку, подобно царице, —
Быть может, я слабою слишком была,
Быть может, я силою вправе гордиться.

Я верила смело, мне лгали подряд,
Но — зместо проклятья, — уверясь в обмане,
Сама от него отвратила я взгляд,
Чтоб только не видеть его покаяний!

Не шла ни за кем я, смиреньем дыша,
Где б дверь запереть — отворяла я двери.
В гордыне своей не считала душа
Незримые беды свои и потери...

Где нужно держать — я твердила: «Уйди!»
Где нужно вернуть — не бежала вдогонку.
Беспечно теряла находки свои.
Где тихо бы плакать, смеялась я звонко.

Быть может, я слабою слишком была,
Быть может, я силою вправе гордиться. —
Беспечно и щедро я жизнь прожила.
Подобно ребенку, подобно царице.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Я снова вспоминаю тех, что на сердце тоской остались,
И тех, что с юных лет в душе отрадой дорогой остались,

И вас, явившихся на миг, запечатлевшихся навечно,
Что для меня как вешний гром над тихою рекой остались,

И вас, мимоидущих, — вас, что удалились безоглядно,
Лишь озарили светом глаз и словно свет благой остались,

И вас, что видели меня, не видя и не замечая,
И в глубине души моей как тайный непокой остались,

И даже вас, что мне клялись в любви и клятвам изменяли,
Вас, что покинули меня, моей тоской глухой остались, —

Беззлобная моя душа в тиши ночной благословляет
Всех, что запомнились навек и в песне хоть строкой остались...

ПЕСНЯ ПЕСЕН

Судьба мне все дала, что я хотела,
И лишь любви счастливой не дала,
Чтоб я не остывала, чтоб горела,
Чтоб вечно беспокойною была, —
Чтобы меня закаты и рассветы
Тревогами несбывшимися жгли,
Чтоб голоса надежд моих неспетых
Звенели колокольчиком вдали, —
Чтоб понимала я, что кличет ветер,
Что говорят деревья и гроза,
Чтоб мучалась и плакала, как Вертер,
И грустных песен знала голоса, —
Чтоб все у мира брать и не бояться
Сокровища души ему нести,
Чтоб щедрость и была моим богатством,
Чтоб все отдать — и значит обрести, —
Чтоб не была глухой к чужой беде я
И узнавать могла, пока жива,
Непролитые слезы и смятенье
И слышать затаенные слова, —
Чтоб всех моих разбросанных по свету,
Неведомых, мятущихся сестер
Огни сердец, которым счета нету,

В моих стихах слились в один костер, —
И чтобы в книгу книг моей земли,
Столетия долгими увенчаны,
Волнения и вздохи женщины
Одной живой страницей легли!..

ТВОРЧЕСТВО

В моих любовных песнях не ищите
Знакомых иль неведомых имен, —
Вам не свершить каких-либо открытий,
Я не пойму сама, где явь, где сон.

В такие дни, которых вспомнить нечем,
Вдруг песня прерывала немоту
И, благодарная бескрылым встречам,
Крылатая, взмывала в высоту.

Мгновенный шепот, чей-то вздох несмелый
Иль чей-то взгляд, что счастьем засверкал,
И, словно эхо, песня зазвенела,
И, как в горах, в ней отзвук не смолкал.

Где эти люди, где мгновенья эти?..
В душе и в сердце — в существе моем.
Они — один-единственный на свете,
И только с ним сквозь жизнь я шла вдвоем.

Он явью был и вымыслом неясным.
Он был и не был, он не мог не быть.
Он воплощался ожиданьем властным.
Он возникал, чтоб я могла любить.

Он создан мной, мечтаньями моими,
Биеньем жарким сердца моего...
Вы понапрасну не ищите имя —
Ни мне, ни вам не отыскать его.

МОИ ИСТОКИ

В дни Вардавара¹ к родникам бегущих
Девчонок юных радость есть во мне.
Прохладный смех без видимой причины,
Что льется, как из горлышка кувшина,
И озорство их песен есть во мне.
И тяга к легкомысленным подчас,
Задиристым словам...
Но в трудный час
Я чувствую в себе
Армянских матерей живую силу,
Что у врагов пощады не просила.
Армянских матерей,
Хоть маленьких, но стойких,
Наседок,
Под крылом птенцов укрывшись стольких, --
Я гнев и волю чувствую в себе.

Наряженных, торжественных, без слов
Идущих в церковь величавых снов
В моей походке плавность и осанка,

¹ Праздник воды, существующий в Армении еще с языческих времен.

В моих глазах — острастка и приманка
Их взглядов, полных темного огня...
Но в жилах у меня
Есть сдержанная кровь
Армянских жен, свой берегущих кров,
Мужей-скитальцев молчаливо ждущих,
Терпенье у родной земли берущих,
Не видящих любви по многу лет, —
Во мне их верность,
Их спокойный свет...

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПЕСЕН

Прости меня, любимый мой, прости.
Был прежде твоего рассвет мой ранний.
В моей душе — печаль воспоминаний
И образы, забытые почти.
Мне их не потерять и не найти...
Прости меня, любимый мой, прости.

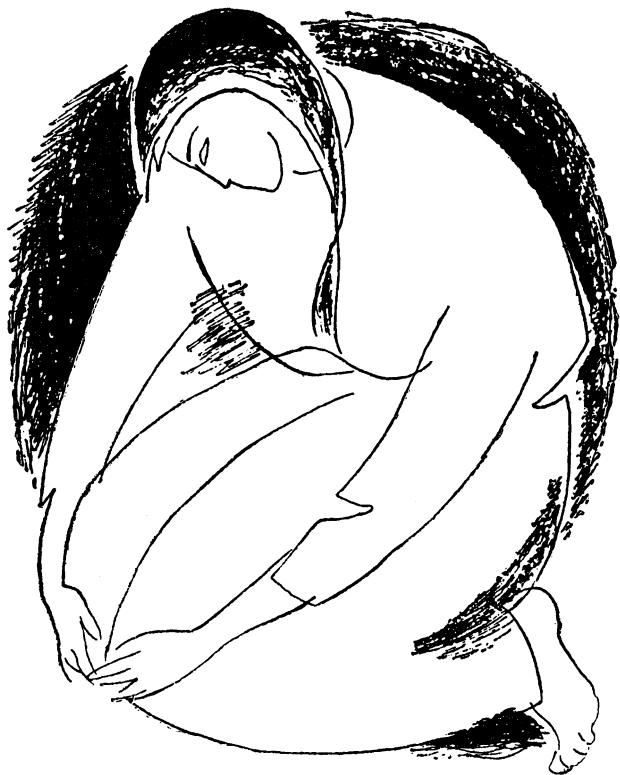
И если загляжусь я ненароком,
И если позову полунамеком,
И, с жаждой счастья в глубине глубин,
К твоей груди прильну на миг один,
Чтобы в тебе опору обрести, —
Прости меня, любимый мой, прости.

В глазах моих сиянья не лови.
В них не горит счастливый свет любви,
В них — сумрак, Ванским озером хранимый,
Смятение грозы неукротимой
И верность долгу на крутом пути...
Прости меня, любимый мой, прости.

Должна другая стать твоей судьбою —
Смеющаяся, та, что вся с тобою,

А я иным мечтаньям предана
И знать и помнить многое должна,
Мне от моих раздумий не уйти...
Прости меня, любимый мой, прости.

Любимый мой, счастливого пути...

РАЗДУМЬЯ
НА
ПОЛПУТИ

ПОЭМА

О человеческая справедливость,
Пусть плюну я тебе в лицо!

*Сиаманто*¹

Поэты, что не осквернили
Проклятием уста свои,
Споют о нашей новой были
Словами новыми любви.

Ов. Туманян

Чем старше я, чем дальше ухожу
От молодости легкой, беззаботной,
Тем ближе ты, дороже ты, народ мой.
Добром и злом твоим, твоей судьбою
Живу, горю, горюю и дышу
И большею тебя люблю любовью.
Кто в молодости, радостям доверясь,
Родную мать оценит и поймет?
Оценишь мать, когда настанет зрелость,
Тогда же и постигнешь свой народ!

¹ Армянский поэт, погибший в 1915 году.

Когда на мир раскрыла я глаза,
Над миром зная красное горело.
И солнце Октября на небеса
Уже всходило и меня согрело.
Я без отца росла. И молодая
Страна была добра, хоть и бедна.
Недосыпая и недоедая,
Меня кормила, берегла она.
Был мир наполнен созиданьем страстным,
Романтики и героизма полн.
Под пионерский барабан и горн
Шагала я, и все казалось ясным...

О горечь прошлого, о горечь нашей были!
Когда проснулась ты во мне, скажи?
С пергаментов старинных тяжкой пылью
Осыпалась на дно моей души?
Или колонной с храма сорвалась
И сердце придавила капителью?
Или из песни, что веками пели,
Слезой скатилась — морем разлилась?
А может, в самых тайниках души
Хранилась, как в развалинах — кувшин,
Откопанная, вышла ты наружу
И отравила горечью всю душу...

Моя душа была ясна со дня
Рождения, но вот пора настала,
Когда с волнением, с болью я узнала —
Тысячелетья были до меня.

...В горах миролюбивый жил народ,
Земле библейской мир и свет несущий.
Он камню душу отдавал и пот
И выжимал из камня хлеб насущный.
Смягчал он камень радостью труда
И непрестанной жаждою исканья.
Сложил он храмы и дома из камня
И крепости воздвиг и города.
И письма он создавал и книги,
И о Давиде сказ слагал великий,
И розы воспевал он и любовь,
В орнаментах — орлов и голубков
Он рядом рисовал...

И, ежечасно

Седого бога на землю зовя,
Выпрашивал он мира, блага, счастья
Сперва для всех, а после — для себя...

Народ был мирным,
Да вот мир — немирным.
И войны проходили не окрест,
А шли по этим землям необширным
И, скрещиваясь, волокли на крест
Страну, что издавна кресту молилась.
То византиец набежит, то перс.
Самумом из пустынь вражда катилась,
И все стирали ненависть и месть.
Двойная ноша пахаря сгибает:
Корми своих, корми чужих господ.
Покуда толстый только жир сгоняет.
Худой уж богу душу отдает.

О мгла шести веков!
И полумесяц
На этой мгле прилепан, как печать.
На собственной земле, как чужеземец,
Жил мой народ, на лучшее надеясь,
Надежду сеял, собирал печаль.
Как солнце через дымоход в очаг
Проходит, так в народ входила вера,
И он с тоской поглядывал на север.
Не оттого ль в Стамбуле год от года
Зверел Талят-паша и дал приказ
Об истребленье целого народа?

И мой народ поволокли на казнь.

Печаль! Когда ты в сердце ожила?
Когда в душе открылась, точно рана?
Иль бабушка, бежавшая из Вана,
Свою тоску в моих очах зажгла?
А может, ты пришла из-за Араза,
Пришла от одичавших наших нив?
А может, вместе с телом Комитаса
Вернулась ты, меня заполонив?
А может, это молят из изгнания
Раскиданные по миру армяне?
На их устах дрожат едва-едва
Родимые армянские слова,
И слышу я их тихие стенанья?..

Моя душа была ясна со дня
Рождения, но вот пора настала,

Когда я с гневом, с яростью узнала
Что год пятнадцатый был до меня...¹

Апрель, ты месяц света и здоровья, —
Для нас ты месяц смерти и беды.
Я чувствую, как тают в реках льды
От льющейся в них теплой нашей крови.
Не дух цветенья — слышу я дух тленья.
Вот яблони рыдают от тоски,
В дорожный прах роняют лепестки...
Вон мать бежит по улицам селенья,
Прижав к груди убитое дитя...
Вон с беженцами бабушка моя,
Пять маленьких сирот с собой ведя,
Идет на север выжженной дорогой,
А на дороге — вспухшие тела...
Апрель, ты месяц жизни или зла?
Что ж умирает на глазах у бога
Народ, что вечно ждал весенних дней,
Который столько перенес и вынес?
О человеческая справедливость,
Я плюну...

Нет! Язык мой, онемей!
Нет! Я не для проклятья рождена!
К другому слову смалу привыкала.
Росла не злобы, а любви полна
И пела строфы «Интернационала».

¹ В 1915 году разыгралась величайшая трагедия в истории армянского народа. Турецкие власти, желая раз и навсегда покончить с «армянским вопросом», выселили армянское население из родных мест в пустыни. Накануне этих событий, 24 апреля, в одну ночь были арестованы и уничтожены все видные представители армянской интеллигенции.

Так что ж, я тоже оскверню уста
Проклятием, как черною заразой?
Со злобой погляжу на пастуха,
Пасущего скотину за Аразом?
И допущу, чтоб подлый янычар,
В пятнадцатом взмахнувший ятаганом,
Меня бы победил и унижал,
И ненавистью отравил поганой?
Чтоб, душу в черный окунув туман,
Забыв про свет, мечтала я о мщенье?
Но не за это пал наш Шаумян,
Не к этому взывал наш Туманян,
Благословляя наше поколение!..

Так, стало быть, забыть?
Пускай сухое
Забвение впитает нашу кровь?
И сердце заглушить и голос горя,
Идущего из глубины веков?

Нет, мой народ!
Ты должен гнев избыть,
Чтоб успокоить страждущее сердце.
Не сеять смерть, не крови море лить —
Другое ты найдешь для мести средство.
О ты, который в траурную ночь,
Когда тебе вонзали в спину нож,
Когда глаза туманились от скорби,
Когда казалось: гнев твой все затмил, —
Ты смог достойно, молодо и гордо
Взглянуть на пробуждающийся мир
И за идеи равенства и дружбы

Оружье взять израненной рукой.
Нет, нынче не поднимешь ты оружия,
Ты путь возмездья выберешь другой!

Ты жизнью отомстишь за все страдания!
Отмстишь за разрушенья — созиданьем,
Отмстишь за Ван сожженный — Ереваном,
За выселения со всех земных широт —
Вернувшимся в отчизну караваном!
Ты так живи!
Ты так живешь, народ!

Один был сын заколот на груди,
А ты отмсти — четырнадцать роди!
За ржавый плуг и за несжатый злак
Отмсти комбайнами и тракторами
И поля своего отмсти дарами!
За Ванский, за угаснувший маяк
Гидроузлами мсти — богатырями!
За тусклую печальную звезду
Твоей судьбы, блуждавшую в тумане, —
Созвездьем звезд, открытых в Бюракане !!
За скорбь, за траур, за века невзгод,
За песню, плакавшую непрерывно,
Ты гением отмсти, что свет несет
По всем широтам и меридианам,
Сарьяном гордым
И Хачатуряном!
Ты так живи!
Ты так живешь, народ!

¹ В Бюракане находится обсерватория.

За злобу, за вражду, за козни, казни —
Отмсти душою любящей и ясной.
За распри, за нашествия, за рабство —
Отмсти своей исконной тягой к братству!
За то, что называли «чужеземцем»,
За чужеземцев встал на эшафот
Твой гордый Манушян¹ с открытым сердцем...
Ты так живи!
Ты так живешь, народ!

Во все века усталости не знавший,
Всегда и всюду впереди шагавший
И новому всю душу отдававший,
Не дрогнувший, не сдавшийся в борьбе,
Ты так живешь,
Так стоит жить тебе!..

И не беда, что я на полдороге
Раздумьем стала дни отягощать,
О прошлом вспоминаю, и в тревоге
Вздывается души былая гладь,
Когда на мой лиловый Ереван
Вдруг набегают тень от Арарата
И радуга, что ты мне даровал,
Опять бывает тучами зажата!
Ты, горькая и светлая любовь,
В отраде — горе, в горе ты — отрада!
Ты — «я» мое, ты стал моей судьбой,
Всю душу заполняешь ты собой,
И я богата, я тобой богата!

¹ Герой французского Сопротивления.

Взамен всех бед, печалей и потерь
Теперь вдвойне ты радоваться дал мне:
Любому зданию, любому камню,
Которые возводишь ты теперь.
Ты словно подарил мне взгляд двойной:
В рождение сына не одно рождение —
Я вижу в нем исконный пафос твой,
Высокий пафос самоутвержденья.

И радостно гляжу, как за столом
Великого союза наших наций
Ты на старинном языке своем
О новой правде слово говоришь,
Как за полетом спутников следишь
Библейскими глазами

с Арагаца,

Как судьбы века всей своей судьбой
Ты делишь, созидая непрестанно!
Беру твои и радости и раны!
И если я горда — горда тобой!

Тобой горда.

И всю судьбу свою
Благословляю этой песней скромной
За то, что на земле такой огромной
Я — дочь твоя,
живу в твоём краю...

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление к книге. <i>Перевела М. Петровых</i> . . .	3
---	---

ОНИ УТВЕРЖДАЮТ: «БЫТЬ»

Ленин. <i>Перевела М. Алигер</i>	9
На площади Ленина в Ереване. <i>Перевел Д. Голубков</i>	
1. Твой памятник	11
2. Голуби Армении	13
3. И верим мы	14
Песня о наших камнях. <i>Перевел Е. Евтушенко</i> .	16
«Не подарила жизнь мне стройности...» <i>Перевел Е. Евтушенко</i>	18
Наш пантеон. <i>Перевела В. Звягинцева</i>	19
Вечер воспоминаний. <i>Перевела Е. Николаевская</i> .	20
Земля родная. <i>Перевела Е. Николаевская</i>	22
Голос Еревана. <i>Перевела Е. Николаевская</i>	26
Зарубежным друзьям-армянам. <i>Перевела Ю. Нейман</i>	28
Дыханием оды. <i>Перевела В. Звягинцева</i>	30
Русскому другу. <i>Перевела В. Звягинцева</i>	32
«Сгораю я, сгораю...» <i>Перевела Е. Николаевская</i>	34
Входите к нам. <i>Перевел Д. Голубков</i>	37
Карабахское наречие. <i>Перевел Б. Слуцкий</i>	39
Армянский тополь. <i>Перевела В. Звягинцева</i>	40
Быть иль не быть. <i>Перевел Б. Окуджава</i>	42

ЧУЖАЯ РАДОСТЬ МНЕ — СВОЯ

«Не жалуюсь на сердце я...» <i>Перевела В. Звягинцева</i>	47
Жизнь моя. <i>Перевела М. Петровых</i>	48
Счастье. <i>Перевела Е. Николаевская</i>	49
Лилит. <i>Перевела М. Петровых</i>	50
Война. <i>Перевела М. Алигер</i>	52

В лесу. Перевела Ю. Мориц	54
Вдове героя. Перевела И. Снегова	56
Жене солдата. Перевела Е. Николаевская	58
Ода Дню Победы. Перевела Ю. Мориц	60
Обновление. Перевел В. Корнилов	62
Весеннее. Перевела Ю. Мориц	63
Старость. Перевел Б. Слуцкий	65
Золото. Перевела М. Алигер	66
Дирижер. Перевел Д. Голубков	67
Тайное голосование. Перевела М. Алигер	68
Береги себя, Фидель! Перевела Ю. Нейман	71

ВЕЧЕРЕЕТ МОЙ ДЕНЬ, ЛЮБИМЫЙ

Песня любви. Перевел В. Корнилов	77
5 октября 1957 года. Перевел В. Корнилов	78
В этот вечер. Перевел В. Корнилов	79
«Нет для тебя ни преград, ни помех...» Перевела М. Петровых	80
«Имя твое...» Перевела В. Звягинцева	81
«Любимый, эта тишь, как лед, звонка...» Перевела Ю. Мориц	82
«Если ты пришел бы...» Перевела Е. Николаевская	83
Часы ожидания. Перевела И. Снегова	84
Разрыв. Перевела М. Петровых	85
Забвение. Перевела Е. Николаевская	86
В минуту тоски. Перевела М. Петровых	88
«Ах, как ты светлоока, луна...» Перевела В. Звя- гинцева	89
«В московском говоре весеннем...» Перевела Ю. Мо- риц	90
Весна в лесу. Перевела В. Тушнова	91
1. Любовь	92
2. Весна	93
3. Все мне кажется	95
4. Я и она	97
5. Песнь наша, песнь	99
Июнь. Перевела В. Звягинцева	99
Осенний сад. Перевела Е. Николаевская	100

«Не заставь меня плакать...» Перевела М. Петровых	101
Осенний зов. Перевела Е. Николаевская	102
Разлука. Перевела Е. Николаевская	103
Верность. Перевела И. Снегова	104
«Чтобы поднять тебя на пьедестал...» Перевела М. Петровых	106
На пороге нового года. Перевела М. Петровых	107
«Не думай, что был ты всех лучше и выше...» Перевела Е. Николаевская	108
«Была добра любовь моя...» Перевела М. Петровых	109
«И эта любовь...» Перевела Ю. Мориц	110
«...И забыть, что есть дом...» Перевела Ю. Мориц	111
«Небрежно и щедро я жизнь прожила...» Перевела Ю. Нейман	112
Зимний вечер. Перевела М. Петровых	113
Песня песен. Перевел Б. Окуджава	114
Творчество. Перевела М. Петровых	116
Мои истоки. Перевела Е. Николаевская	118
Из последних песен. Перевела М. Петровых	120

РАЗДУМЬЯ НА ПОЛПУТИ

Поэма. Перевел В. Корнилов	123
--------------------------------------	-----

Капутикян Сильва Барунаковна

РАЗДУМЬЯ НА ПОЛПУТИ

М., «Советский писатель», 1962. 136 стр.

Редактор **Д. Н. Голубков**. Художник **Д. С. Громан**.

Худож. редактор **Е. Ф. Капустин**.

Техн. редактор **Р. Я. Соколова**.

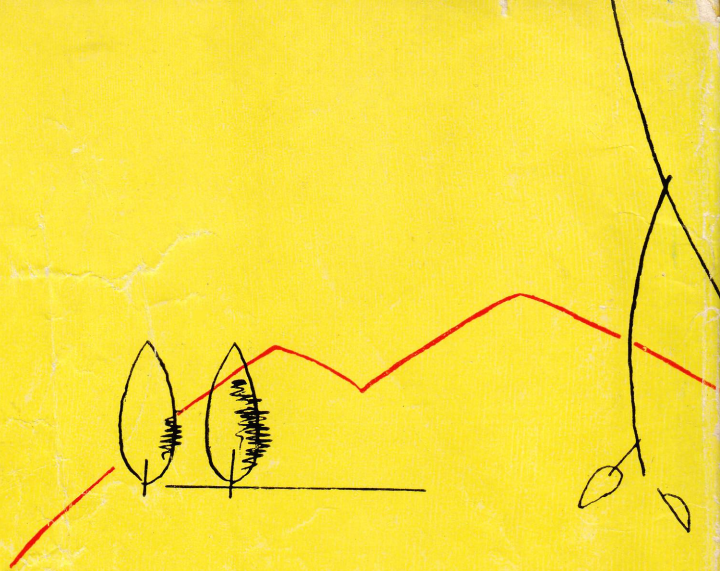
Корректор **Ф. Л. Эльштейн**.

Сдано в набор 16/IV 1962 г. Подписано к печати 5/VII 1962 г.
 А05674. Бумага 70×108¹/₃₂. Печ. л. 4¹/₈ (5,82). Уч.-изд. л. 3,35.
 Тираж 50 000 экз. (1-й завод 1—20 000). Заказ 495. Цена 17 коп.

Издательство «Советский писатель»,
 Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10
 Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

17 коп.

17 коп.

Г.